

Проблема достижения практического бессмертия и возможности реального воскрешения человека

Вишев Игорь Владимирович, доктор философских наук, профессор,
с.н.с. кафедры философии
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)

Аннотация. В статье кратко рассматривается история возникновения религиозного, а много позже и научного подхода к реализации исконного стремления людей к бессмертной и достойной жизни, разъясняется смысл иммортологии как науки о бессмертии человека и её ключевого понятия «практическое бессмертие человека». Оно призвано обозначить наиболее реальное направление решения задачи достижения беспредельной длительности человеческой жизни. С ним органично связано убеждение в необходимости и возможности восстановления человеческой жизни, или воскрешения человека, в случае его смерти, устранения её нынешней фатальности и безысходности.

Ключевые слова: русский космизм, воскрешение уже ушедших поколений, биокосмизм, преодоление временного и пространственного локализма человеческой жизни, трансгуманизм, постчеловек, нечеловек, иммортология, практическое бессмертие человека, восстановление утраченной человеческой жизни, воскрешение человека.

Стремление людей к бесконечно долгой, беспредельной, или вечной, и достойной, счастливой, жизни было присуще им изначально. Однако очевидную его неосуществимость сначала объясняли преднамеренной целью богов, сотворивших людей по их образу и подобию, лишить своих творений божественного свойства бессмертия, чтобы они не могли восстать в случае недовольства, против своих творцов [1, с. 33; и др.] Но само стремление продолжало существовать.

Положение вещей принципиально изменилось с возникновением классово-антагонистического общества с присутствующими ему социальными неравенством и несправедливостью, угнетением человека человеком, появлением рабства. В ходе учащавшихся войн происходило столкновение людей и культур, их смешение, утрата авторитета заветов, роли обычаев, человеком одолевала неуверенность не только в завтрашнем, но и в сегодняшнем дне. В этих условиях становились всё более бессмысленными и нетерпимыми страдания и бедствия людей. И тогда мировые религии предложили их толковать как подготовку к посмертному существованию. Осуществление человеческих чаяний, в том числе вечной жизни, было перенесено в потусторонний, сверхъестественный, загробный, трансцендентный мир. Многие и сегодня связывают с ним реализацию своих наиболее значимых желаний.

Однако со временем, на рубеже XIX–XX столетий, возник и научный подход к решению проблемы достижения реального личного бессмертия. Его первой исторической формой можно считать воззрения русского космизма, прежде всего, философию общего дела Николая Фёдоровича Фёдорова (1829–1903), сочетавшую в себе религиозные и научные подходы. Он считал, бог осуществляет реальное воскрешение людей посредством их собственных усилий. У него была наиболее радикальная идея восстановления человеческих жизней — не только в настоящем и будущем, но и в прошлом, т.е. уже ушедших поколений. Фёдоров называл эту миссию супраморализмом [2, Т. 1, с. 388]. Сказать короче, таков долг сынов перед отцами.

Другим выдающимся представителем русского космизма был Константин Эдуардович Циолковский (1857–1935), убеждённый сторонник научно-технического и социального развития человеческого общества. «Нет конца жизни, конца разуму и совершенствованию человечеству, — писал он в своей работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами». — Прогресс его вечен.

А если это так, невозможно сомневаться и в достижении бессмертия» [3, с. 139]. Циолковский много времени и сил уделил разработке проблемы бессмертия с материалистических позиций, что было призвано, с его точки зрения, придать этому виду научного мировоззрения оптимистический характер [4, с. 160–179].

Последовательными приверженцами научного решения проблемы реального личного бессмертия стали и такие представители русского космизма, как анархисты-биокосмисты, которые дерзновенно и ярко заявили о себе в конце 10-х — начале 20-х годов XX столетия. И без того небольшая их численность вскоре раскололась на две группы — Северную и Московскую, что, естественно, серьёзно подорвало их популярность и влияние. Тем не менее, их учение стало заметным фактом российской культуры.

Северная, петроградская, группа, которую возглавил известный тогда поэт Александр Ярославский, приняла специальную декларацию. Она была опубликована в журнале «Бессмертие», который должен был стать её печатным органом, но вышел лишь однажды. В этой декларации, после провозглашения своей автономии и заявления о вынужденном разрыве с московской организацией, «пока та возглавляется А. Агиенко (Святогором)», особо подчеркивалось, что она «оставляет неизблемыми основные лозунги Биокосмизма: Иммортализм и Интерпланетаризм и возлагает на себя почетный труд вести борьбу за окончательное торжество указанных идеалов» [5, с. 1]. Именно понятие «иммортализм» в то время обозначало учение о бессмертии как религиозное, так и научное.

Эти убеждения разделяла и Московская группа. Действительно, тоже известный тогда поэт Александр Агиенко (Святогор) в статье «“Доктрина отцов” и анархизм-биокосмизм» утверждал: «Высшее благо — это бессмертная жизнь в космосе. Высшее зло — смерть» [6, с. 15]. И он затем сделал следующее принципиально значимое заключение. «Личное бессмертие не дано, — считал лидер организации Креаторий российских и московских анархистов-биокосмистов, — оно должно быть завоевано, реализовано, сотворено. Это не восстановление утраченного как говорит Библия, но создание ещё небывшего. Не восстановление, но творчество. То же относится и к завоеванию космоса». Надо привести и такую его мысль: «Иммортализм и интерпланетаризм — это максимальная, но не конечная цель. Это этапы и средства к безмерно великому творче-

ству. Но эта цель впереди — и потому она величайшая. Наша цель (реализация личного бессмертия, жизнь в космосе, воскрешение) исключает мистику, которая бросает в хаос, в пустоту. Это — задача трезво реалистического сознания» [6, с. 16].

Биокосмисты-иммортиалисты ставили задачу двоякого рода: устранить временной локализм человеческой жизни, достигнув личного бессмертия, что и обозначалось ими понятием иммортализм; а также преодолеть её пространственный локализм выходом за пределы Земли и установлением межпланетных сообщений (интерпланетаризм). Уверенность в достижимости поставленных целей базировалась, прежде всего, на таких естественнонаучных открытиях и технико-технологических успехах своего времени, как оживление тканей в экспериментах профессора Н. Кравкова и других учёных, а также идей и изобретениях К.Э. Циолковского [5, с. 2–3; 7, с. 317–341]. Как ни горько и ни печально, в политических перипетиях 20-х годов XX века отечественной истории вместе с ликвидацией исторического анархизма прекратил своё легальное существование и анархизм-биокосмизм с его ценнейшими идеями и устремлениями, но дело его осталось жить.

Параллельно биокосмистским идеям аналогичные им разрабатывались выдающимся русским и советским писателем, глубоким мыслителем и активным общественным деятелем Алексеем Максимовичем Горьким (1868–1936). Этим идеям он был предан на протяжении всей своей творческой жизни. Горький в своей знаменитой лекции «О знании», с которой он выступил в Рабоче-крестьянском университете в марте 1920 года, особо подчеркнул, что «человеческий разум объявляет войну смерти как явлению природы. Самой смерти» [8, с. 107]. А далее он заметил: «Моё внутреннее убеждение таково, что рано или поздно, может быть, через 200 лет, а может быть, через 1000, но человек достигнет действительного бессмертия» [8, с. 107–108]. Но Горький не только теоретически разрабатывал эту тему. По его инициативе был создан Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), целью деятельности которого стала разработка данного круга проблем. Однако смерть Горького, угроза надвигающейся войны, а вскоре и сама война, политические осложнения середины и конца 30-х годов в истории страны не позволили сколько-нибудь заметно реализовать эти цели.

Современная разработка проблемы человеческого бессмертия осуществляется, главным образом, по двум направлениям — трансгуманизма и имморталогии. Одним из основателей первого направления стал сэр Джулиан Хаксли, внук Томаса Гексли, известного приверженца и защитника эволюционной теории Ч. Дарвина. Он и сам был крупным биологом, писателем, популяризатором науки, общественным деятелем, президентом Британской гуманистической ассоциации, первым директором ЮНЕСКО. Данное обстоятельство, естественно, придало с самого начала авторитет и влияние трансгуманистическим идеям, включая достижение человеческого бессмертия.

Трансгуманизм получил широкое распространение не только в мире, но с начала 2000-х годов и в России. Наиболее известные и авторитетные его представители — Данила Андреевич Медведев, Валерия Викторовна Удалова (Прайд), Игорь Валентинович Артюхов и др.

В Манифесте Российского Трансгуманистического Движения (РТД) провозглашается: «Трансгуманизм — это новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждает не только ценность отдельной человеческой жизни,

но и возможность, и желательность — с помощью науки и современных технологий — безграничного развития личности, выхода за считающиеся сейчас "естественными" пределы человеческих возможностей.

«Мы, члены Российского Трансгуманистического Движения, осознавая, что в ближайшие десятилетия новейшие технологии кардинально изменят человека и человеческое общество, заявляем, что нашей целью являются:

1. Развитие и распространение идей трансгуманизма и иммортализма с целью наиболее разумного и демократичного использования новейших достижений технического прогресса;

2. Содействие развитию новых и традиционных наук и технологий в той их части, которая непосредственно касается трансгуманистических и имморталистических аспектов бытия человечества, а также безопасности использования этих технологий;

3. Консолидация усилий всех прогрессивно мыслящих людей для создания предпосылок наиболее благоприятного и неконфликтного развития человечества в новых условиях.

Мы, члены Российского Трансгуманистического Движения, считаем, что скорость изменений в мире и потенциальная опасность неуправляемого развития свертехнологий таковы, что каждый должен дать себе отчет: или мы будем бездействовать — и человечество погибнет, или мы вместе построим прекрасное будущее. В том числе и для себя» [9].

Текст этого Манифеста и заявленные в нём цели вряд ли могут вызвать сколько-нибудь серьёзное возражение, а тем более противодействие. И всё же трансгуманизм у многих вызывает искренние опасения и тревогу. Подобное его понимание и восприятие вызвано, в конечном счёте, прежде всего, тем, что объектом, предметом устремлений трансгуманистов является, по сути дела, не сам человек, как таковой, не реальная личность, а трансчеловек, постчеловек, и даже нечеловек, какой-то киборг, многофункциональный и совершенный робот, Е-существо, не биологической, а принципиально иной природы, бесполое и т.п. Такой подход к решению проблемы модификации человека, его совершенствованию является, совершенно очевидно, крайне радикальным. Такой запредельный радикализм, скорее всего, и смущает людей, что, в свою очередь, затрудняет восприятие позитивных сторон данного типа мировоззрения, особенно его имморталистические идеи.

С появлением не только религиозного, но и научного иммортализма, возник ряд неудобств, определённого рода путаница. В новой ситуации пришлось их постоянно различать, каждый раз уточнять, о какой именно разновидности иммортализма идёт речь. Стремясь устранить подобного рода неудобства, а также решить ряд других вопросов, было предложено ввести в научный обиход понятие «имморталогии» (лат. im — без; mors, mortis — смерть) — науки о бессмертии, притом именно человека, однозначное обозначение научного иммортализма [10, с. 153–155].

Надо сказать, что для имморталогии в определённом смысле сложилась неблагоприятная ситуация. Во-первых, ко времени её возникновения в западной культуре уже довольно давно появился трансгуманизм и завоевал достаточно прочные позиции. Это выразилось, прежде всего, в том, что он приобрёл весьма значимые организационные формы, его лидеры были авторитетными учёными, тогда как имморталогия возникла на периферии, на Урале, и не получила должного распространения, а значит, и известно-

сти, не обрела должной поддержки и соответствующих организационных форм. Тем самым, она оказалась как бы «в тени» и ей пришлось, естественно, с излишними трудностями прокладывать себе дорогу. Во-вторых, трансгуманизм, появившийся в России, хотя и после иммортологии, был воспринят в его западной весомости и авторитетности. Так что условия конкурентности трансгуманизма и иммортологии опять-таки оказались не в пользу последней, хотя, надо признать, что она в науке и философии тоже получила вполне устойчивые «права гражданства», признание и распространение. Были также предложены такие понятия, как «гомо иморталис» [11] и «иммортотгуманизм» [12, с. 46–58].

В настоящее время по поводу иммортологии и сопутствующих ей понятий существует немало научных публикаций. В то же время очевидно, что разъяснительная работа относительно данного понятийного аппарата по-прежнему остаётся актуальной и необходимой. В качестве одного из свидетельств тому может служить недавняя изданная монография А.А. Дыдрова «Эпоха футуроплюрализма: фигуры человека будущего» [13, с. 112–115]. В ней есть параграф, который называется «Трансгуманизм и иммортология как идеологии радикального изменения природы человека». С одной стороны, действительно, иммортология предполагает определённую модификацию природы человека посредством методов генной инженерии и им подобных. Иначе *Homo sapiens* не сможет обрести свойства *Homo immortalis* — реального личного бессмертия, тогда как главная цель преобразования заключается именно в этом [14, с. 62–67]. Однако, с другой стороны, радикальность радикальности — рознь.

Но, как ни странно, и в этом параграфе, и последующих речь шла только о трансгуманизме, причём с особым подчёркиванием его негативных особенностей, тогда как об иммортологии не было сказано ни слова. Поэтому, естественно, иммортология оказалась отождествлённой с трансгуманизмом, а все его отрицательные черты совершенно безосновательно и неправомерно перенесены на «без вины виноватую». Между тем, в действительности, по своему существу, иммортология существенно отличается от трансгуманизма, в определённом смысле альтернативна ему. Она говорит о достижимости бессмертия не для трансчеловека, или постчеловека, тем более нечеловека, а именно человека, который, при всём притом остаётся биологическим существом по своей природе, хотя во многих отношениях, и социальных, и этических, и других, ему придётся существенно измениться, но, в любом случае, для его блага.

Печально и огорчительно, что редко кто обращает должное внимание на ключевое понятие иммортологии. Таким её ключевым понятием является — «практическое бессмертие человека». Между тем именно оно, по своему существу, устраняет многие недоразумения, а главное — делает необоснованным и неоправданным обычное сегодня неприятие самой идеи бессмертия. И действительно, как только начинается дискуссия по проблеме человеческого

бессмертия, на передний план выдвигается понятие «бессмертия» в его абсолютном смысле, обычно как вера в бессмертие души, принципиально исключающее смерть. А поскольку это заведомо невозможно с научной точки зрения, такое понимание бессмертия механически отвергается как несостоятельное и тогда дискуссия становится, по существу, беспредметной и бесплодной.

В таком случае, да и в любом другом, надо обратить внимание на то, что в иммортологии под «практическим бессмертием» понимается реальная возможность обретения человеком способности, оставаясь молодым (точнее, сохраняя оптимальные параметры телесной и духовной жизнедеятельности) жить беспредельно долго, настолько долго, чтобы можно было утверждать — человек стал практически бессмертным.

Такое бессмертие, в отличие от абсолютного, принципиально невозможного и несуществующего, является, по существу своему, относительным. Дело в том, что оно, в принципе, не исключает смерть человека, но не как естественную необходимость, неизбежность, по его природе, а лишь от той или иной внешней, случайной причины (травма, неизвестная болезнь, которую ещё не научились лечить, сбой в метаболизме и т.п.). При таком положении вещей надо будет решать проблему восстановления человеческой жизни, реально воскрешать человека вместе с его способностью жить беспредельно долго (например, через крионику, клонирование, генную терапию, биохакнинг и многие другие методики, ту же пересадку головы человека и т.п.). Иными словами, смерть должна будет утратить нынешнюю фатальность и безысходность [15, с. 81 и др.].

Как раз впервые предложивший проект по пересадке человеческой головы итальянский профессор Серджио Канаверо утверждает: «А скоро нам уже не нужен будет донор, потому что успехи биологов в клонировании дадут нам собственные новые тела, которые унаследуют наш старый мозг. Нет сомнения, что это всё произойдёт в нашем веке и мы будем свидетелями. И тогда возникнет вопрос: что обществу делать с этой технологией бессмертия?» [16]. Сейчас он тесно сотрудничает с китайским трансплантологом и нейрохирургом Жэнь Сяопином, который уже пересадил головы тысячи мышей. Вместе они успешно пересадили голову обезьяны. И всё же, судя по всему, подобного рода процедура оказалась сложнее и труднее, чем предполагалось поначалу. Тем не менее, вряд ли следует сомневаться, что данная проблема также будет решена.

Разумеется, при неконструктивном подходе, когда искусственно изыскиваются трудности, а не поиск путей и средств их преодоления, можно затеять дискуссию, например, на тему, является ли «практическое» бессмертие, и в самом деле, «бессмертием», нет ли более удачного понятия и т.п. Однако, если вдуматься, то понятие «практического бессмертия человека» способно ответить на все возражения и сомнения. Одно из главных его достоинств — ясное мировоззренческое значение и звучание.

Литература:

1. Редер Д.Г. Мифы и легенды древнего Двуречья. — М.: Наука, 1965.
2. Фёдоров Н.Ф. Соч. в 4-х томах. — М.: Прогресс, Традиция, 1995–1999.
3. Циолковский К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами // Собр. соч. Т. 2.: Реактивные летательные аппараты. М.: Наука, 1954.
4. Вишев И.В. Проблема личного бессмертия. — Новосибирск: Наука. Сиб. Отд.ние. 1990.
5. Бессмертие. 1922. № 1.

6. Биокосмист. 1922. № 3–4.
7. Вишев И.В. Проблема жизни, смерти и бессмертия человека в истории русской философской мысли. — М.: Академический Проект, 2005.
8. Горький А.М. О знании //Архив А.М. Горького. Т. XII. Художественные произведения. Статьи. Заметки. — М., 1969.
9. <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/>
10. Вишев И.В. Геронтология и философия — Философские науки, 1974. — №1.
11. Вишев И.В. Гомо Имморталис — Человек Бессмертный. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 1999.
12. Вишев И.В. Иммертогуманизм и трансгуманизм — современные гуманистические тенденции // Челябинский гуманитарий: сборник научных трудов членов Челябинского отделения Академии гуманитарных наук. — 2007. — № 3. — С.46–58.
13. Дыдров А.А. Эпоха футуроплюрализма: фигуры человека будущего. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018.
14. Вишев И.В. Человек разумный должен и может стать человеком бессмертным. — Вестник Российского философского общества, 2016. — №1 (77).
15. Вишев И.В. На пути к практическому бессмертию. — М.: МЗ-Пресс, 2002.
16. <http://www.kp.ru/daily/26366.7/3247293/>